

Обре

Изабель

1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ИСКУССТВО
КУЛЬТУРА

14 ноября 1985 г. 7

Изабель Обре: МАМА ГОВОРИЛА НАМ

Рассказ о том, как наперекор судьбе и жизненным испытаниям известная французская певица вновь вышла на эстраду

Отъехав каких-нибудь 30 километров от Парижа и свернув со скоростной магистрали, мы попали в, казалось, забытый современной цивилизацией уголок под названием Нуазо. Старенькая фабрика, такие же старенькие, обветшалые жилые дома, по-игрушечному крохотная мэрия. И продолжение ее длинное полубарачного типа строение под громким названием «Праздничный зал»... Было странно видеть у входа в строение афишу, приглашающую местное население на концерт Изабель Обре — певицы с мировым именем, выступающей на лучших эстрадных площадках столиц в самых разных частях света. Рядом в окружении оркестрантов стояла сама Изабель, в нарядном вечернем платье, которое вполне сделало бы честь столичной «Олимпии». Как будто прочтя мои мысли, она сразу поставила точку над «i»:

— Париж — яркая и даже ослепительная витрина Франции. Но за витриной совсем рядом существует немало таких вот бедных городков. И таких вот по-настоящему бедных, немущих французов, каких вы сегодня увидите среди публики. У них не было денег, чтобы поехать в отпуск, купаться, нежиться под солнцем. Левые муниципалитеты, стремясь скрасить их трудную и невеселую жизнь, решили устроить летом серию моих концертов, которые я даю бесплатно и которые так и называются: «Для тех, кто не смог поехать отдохнуть».

Я сама родом из семьи рабочего, сама жила, как они. Я люблю их и знаю их проблемы.

И они — те, кто заполнил до отказа тесный зал, знали, что она знает. И принимали ее как свою, родную. А после концерта, во внутреннем дворике мэрии обступили стол, за которым она подписывала диски, расспрашивали ее о чем-то, налевали только что прозвучавшие с эстрады песни, шутили...

— Ничего не выходит. Придется нам с вами интервью перенести. Вы уж извините, но я не могу их покинуть.

Она беспомощно встряхнула светлой челкой, из-под которой сияли счастливые, возбужденные глаза. И вдруг заговорщицки улыбнулась: «Как поется в песне, жизнь прекрасна, верно?»

Верно, в песне французского композитора Жана Ферра, которую певица исполняет, поется именно так. Но если жизнь самой Изабель сегодня действительно прекрасна, то только благодаря тому, что строила она ее наперекор безжалостной, коварной судьбе... Об этом я думала на обратном пути из Нуазо в Париж. Об этом мы говорили с ней потом в студии грамзаписи, где она назначила мне встречу. Здесь, в спокойной обстановке, интервью было «начато с начала». То есть с детства на севере Франции, в семье, где одиннадцать детей и где каждая пара ботинок много раз меняла хозяина или хозяйку. Где в 14 лет надо было идти на завод — зарабатывать на хлеб младшим братьям и сестрам.

— Но призвание — великое дело. В 10 лет я уже твердо знала, что стану артисткой. Только вот какой? Еще в школе начала заниматься в драмкружке и в балетной студии. А пела в основном по праздникам — на конкурсах, которые устраивали разные благотворительные общества. Мне очень нравилось получать призы, потому что это часто были полезные в хозяйстве предметы. А у нас в доме царил такая нужда, что всему выигранному мной были рады.

На одном из таких конкурсов случайно оказался крупный парижский импресарио, посоветовал ей «отложить» все остальные увлечения и заняться всерьез пением. Она послушала совета, поехала искать счастья в Париж. И в конце концов после долгих мытарств, неудач наша-таки: стала получать приглашения в музыкально-поэтические кабаре, выпустила первую грам-пластинку. В 1961 году, пленный ее теплый, гибкий голос и сердечной простотой, подарил ей свою песню «Двое детей под солнцем»

Жан Ферра. В 1962 году Жак Брель, безошибочно угадав в ней родственную душу, пригласил участвовать в первом отделении его концертов в «Олимпии», затем включил в программу своего турне по городам Франции. Тогда же она успела съездить в Люксембург, на конкурсе Евровидения и вернулась оттуда победительницей — с Гран при. Впереди открывалась интереснейшая работа, строилось множество планов сотрудничества с лучшими французскими композиторами и поэтами. ...И вдруг все рухнуло. Автомобильная катастрофа. 18 переломов. 21 операция.

— Как же я плакала, очнувшись на больничной койке, — вспоминает Изабель. — Больше всего мне было обидно за «Шербурские зонтики» Жака Деми. Ведь я должна была играть ту самую роль, которую в результате сыграла Катрин Денев. Играть и петь одновременно. Поправившись, я набралась мужества и все-таки посмотрела фильм. Он получился прекрасный. Но мне все равно до сих пор грустно...

Итак, пять лет почти нечеловеческих усилий воли, направленных сначала просто на восстановление нормальных функций организма, затем — на восстановление физической формы, необходимой для возвращения в мюзик-холл. И возвращение состоялось. Причем триумфальное: новая победа на конкурсе Евровидения, большой цикл сольных вечеров в парижском зале «Бобино».

— Несчастье осталось далеко позади. Я с наслаждением ощущала себя сильной и ловкой, как прежде. И когда меня попросили участвовать в «Гала на арене» — ежегодном праздничном представлении, где по традиции известные артисты кино, театра и эстрады выступают в необычном амбула артистов цирка, — без колебаний согласилась. Ведь в детстве и юности я ко всему прочему занималась гимнастикой и имела даже звание чемпионки Франции среди юниоров... Мой номер с летающей трапецией обещал быть на неплохом профессиональном уровне. Но надо же такому случиться: на генеральной репетиции я сорвалась и упала.

Не так давно французское телевидение показало снятую тогда репетицию — не ту, что закончилась так печально, а предыдущую, удачную. И зрители смогли оценить и спортивное мастерство Изабель, и красоту ее воздушного полета.

— Я не жалею о том, что тогда так поступила. Жизнь ведь всего одна. И жить ее с постоянной оглядкой, со страхами невыносимо. Да, конечно, снова были тяжелые травмы, инвалидная коляска. И наступил момент слабости, отчаяния, когда мне показалось, что со сценой покончено. Но в больнице я соприкоснулась с бедой других людей, с их мужеством в борьбе с недугом, причем недугом куда более тяжким, чем мой. И это меня подстегнуло: не сдамся, вышлыву и на этот раз.

Чтобы «выплыть», она навязала себе жесточайший режим лечебной физкультуры: бассейн, гимнастические снаряды, велосипед-тренажер. А когда дело пошло на поправку, к этому добавились роликовые коньки.

— Ролики! Мечта моего детства. Но отец не мог купить нам даже одной пары на всех. Так что я, наконец, навестала упущенное.

Да, певица не потеряла ни веры в будущее, ни работоспособности. Нельзя двигаться, нельзя выступать — но можно готовить будущий репертуар. И она с жаром принялась выискивать новых авторов.

— Конечно, Арагон, Брель, Ферра, чьи произведения я всегда исполняла, неповторимы. И пока на горизонте не появилось еще никого, кто бы мог с ними сравниться. Но... время движется вперед, новые проблемы и явления. И необходимо, чтобы песни на это откликнулись. И чтобы именно эти современные песни звучали с эстрады... Я перепечатала за месяцы долгой поправки огромную почту молодых поэтов-песенников. И отыскала-таки несколько драгоценных кру-

пиц. Ален Лепрест, например, выступавший в окрестном бистро, очень талантлив. Я включила несколько его вещей в свой последний диск, который называется «Мир поет».

Об этом диске необходимо сказать особо. Во-первых, потому, что его выход в свет ознаменовал полное выздоровление певицы. Во-вторых, потому, что он действительно воспринимается как отзвук всех самых актуальных тем и событий современности. Эти темы — расизм, неравенство, война, мечта людей о мире — присутствовали в репертуаре Изабель Обре и раньше. Но не с такой очевидностью. И не с такой политической и социальной заостренностью, как сейчас.

— Это все результат моей вынужденной неподвижности. Я стала внимательнее всматриваться в то, что происходит рядом и далеко, в разных частях планеты, больше задумываться над нашей трагической эпохой.

За политические взгляды, за бескомпромиссность в выборе репертуара ее систематически «наказывают» средства массовой информации и коммерсанты. Ее голос — большая редкость в эфире, журналисты не спешат публиковать о ней репортажи, ее пластинки не выставляют в витринах специализированных магазинов. В журнал «Телестар» несколько месяцев назад пришло письмо от одного из читателей Бернара Дандювера. Вот несколько строк оттуда: «Недопустимо, чтобы такая большая исполнительница оставалась почти полностью «забытой» масс-медиа... Пора принимать, наконец, меры, чтобы спасти то немногое, что остается еще от прекрасной традиции французской песни».

— Не стану отрицать, что такое умышленное игнорирование вызывает досаду и создает преграды на пути к зрителю. Однако как бы то ни было, я глубоко убеждена, что по-настоящему определить свое отношение к исполнителю зритель может, только придя на его концерт, только общаясь с ним напрямую, из зала. Аудиовизуальные средства — великое достижение нашего века. Но... через них, как у нас говорят, «не проходит ток». А мне необходимо, чтобы проходил. Причем в двух направлениях. У меня есть даже песня такая — о моей публике. И в ней слова «Ты меня слушаешь, ты мне отвечаешь». Это — мой лозунг.

Лозунг остается в силе и во время зарубежных гастролей. Вот и сейчас, когда Изабель собирается в большую поездку по Советскому Союзу, она не перестает думать о том, как сделать, чтобы «пропустить ток», чтобы контакт с иноязычным залом был как можно теснее.

— Я ведь уже выступала в СССР. И сохранила об этом прекрасные воспоминания. Однако мне тогда очень не хватало знания языка. Я не могла сама объявлять и представлять свои песни. За меня это делала ведущая. И делала безупречно. Но... контакт, тот самый контакт ослабевал, нарушался ритм спектакля. И теперь, едва только возник план новой поездки в вашу страну, я, памятуя о прошлом, сразу взялась за русский язык. Собственно, учить я его начала потихоньку несколько лет назад — просто потому, что он мне очень нравится. Ну, а тут занятия пошли уже интенсивно и целенаправленно... С моим преподавателем мы составляем вступительные тексты к каждой из песен, которые я буду исполнять. Это сжатый пересказ содержания, иногда дополненный небольшим моим комментарием.

Написан такой пересказ и к очень нежной и вместе с тем очень сильной антивоенной песне «Мама говорила нам...» На прощание я попросила Изабель познакомить меня с ним. Она достала из сумки ученическую тетрадь, отыскала нужную страницу и, старательно выговаривая слова, прочла:

Вспоминаю Францию в годы войны.
И маму, которая часто говорила нам:
«Вот кончится война,
И вы увидите, как прекрасен мир.
Как в нем хорошо и просторно.
Война никогда не должна повториться!..»
Сейчас в мире очень тревожно!
Мама, ты уверена, что война
Никогда не повторится?

А потом, отложив тетрадь, беспокойно спросила: — Как вы считаете, умения не слишком сильный акцент? Меня поймут ваши зрители?
Поймут, Изабель, непременно поймут!

Елена КАРАСЕВА.
ПАРИЖ — МОСКВА.
● После концерта в Нуазо.